

Т.Ю. ТКАЧЁВА, М.С. ТУРЧЕНКО*
ФАКТОРЫ УСПЕХА КАНДИДАТОВ-САМОВЫДВИЖЕНЦЕВ НА ВЫБОРАХ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ СТОЛИЦ РЕГИОНОВ РОССИИ (2014–2018 ГГ.)

Аннотация. В статье рассматриваются факторы успеха кандидатов-самовыдвиженцев на муниципальных выборах. На материале выборов в представительные органы административных центров субъектов РФ, прошедших в 2014–2018 гг., показано, что избрание самовыдвиженцев и их электоральный результат напрямую зависели от их соглашений с местными отделениями партии «Единая Россия». Обнаружена также связь между электоральным успехом кандидатов-самовыдвиженцев и рядом их персональных характеристик, в частности инкубентским статусом, высоким уровнем образования, а также наличием в их распоряжении административного, социального или экономического капитала.

Ключевые слова: вертикаль власти; «Единая Россия»; муниципальные выборы; самовыдвижение.

Для цитирования: Ткачёва Т.Ю., Турченко М.С. Факторы успеха кандидатов-самовыдвиженцев на выборах в представительные органы столиц регионов

* **Ткачёва Татьяна Юрьевна**, младший научный сотрудник, Лаборатория сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: tkacheva@hse.ru;
Турченко Михаил Сергеевич, преподаватель, департамент прикладной политологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: mturchenko@hse.ru

Tkacheva Tatiana, Laboratory for Comparative Social Research, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), tkacheva@hse.ru;
Turchenko Mikhail, Department of Political Science, National Research University Higher School of Economics – St Petersburg (Saint Petersburg, Russia), e-mail: mturchenko@hse.ru

России (2014–2018) // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 147–164. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.08

Т.Ю. Tkacheva, M.S. Turchenko
City-council elections in Russia's regional capitals, 2014–2018:
Self-nominess and factors of their success

Abstract. This paper discusses the success factors of self-nominees at the municipal elections in Russia. Based on the data from the 2014–2018 elections to the representative bodies of Russia's regional administrative centers, it is shown that the electoral performance of independent candidates was directly dependent on their bargains with local branches of United Russia. We also discovered a connection between the electoral success of self-nominated candidates and a number of their personal characteristics, in particular, an incumbent status, a high level of education, and the presence of administrative, social or economic capital at their disposal.

Keywords: power vertical; United Russia; local elections; self-nominees.

For citation: Tkacheva T.Yu., Turchenko M.S. City-council elections in Russia's regional capitals, 2014–2018: Self-nominess and factors of their success // Political science (RU). – М., 2019. – N 1. – P. 147–164. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.08

Введение¹

На сегодняшний день наиболее распространенной и укрепившейся в академической литературе классификацией политического режима современной России является электоральный авторитаризм [Schedler, 2013; Golosov, 2011; Gel'man, 2015]. Важную роль в его формировании сыграли установление контроля федеральной власти над субнациональным политическим процессом [Golosov, 2011], кооптация глав регионов и их «политических машин» в единую властную вертикаль [Reuter, Robertson, 2012], а также создание системы с доминирующей партией для управления электоральной конкуренцией [Gel'man, 2015].

В литературе рассмотрена роль региональной политики в поддержании общенациональной «вертикали власти» [Reisinger, Moraski, 2017], равно как и участие в этом процессе политической

¹ Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

динамики на федеральном уровне [Gel'man, 2015]. Однако остаются недостаточно изученными в этом контексте особенности электоральных процессов на муниципальном уровне.

Простирается ли влияние «вертикали власти» на кандидатов-самовыдвиженцев? Согласуют ли такие кандидаты свои действия с партией «Единая Россия», являющейся основным институтом «вертикали власти» [Reuter, 2017]? В данном исследовании мы ищем ответы на эти вопросы через анализ факторов, обусловивших электоральный успех кандидатов-самовыдвиженцев на муниципальном уровне на примере выборов в представительные органы региональных столиц.

В последующем изложении мы представим обзор исследований, рассматривавших муниципальные политические процессы и институт самовыдвижения как в сравнительном разрезе, так и на российском примере. Далее будут раскрыты теоретические основания исследования и выдвинуты гипотезы для проверки в рамках количественного анализа. В эмпирической части статьи будут описаны источники данных и методы их анализа, дана операционализация переменных и представлены полученные результаты.

Обзор литературы

Исследование политических процессов муниципального уровня в авторитарных режимах находится в стадии активного развития. Одним из наиболее исследуемых в данном плане регионов является Китай, где, несмотря на авторитаризм политической системы на общенациональном уровне, локальные процессы развиваются зачастую в рамках иной логики. Отмечается, например, что депутаты местных конгрессов воспринимают себя скорее народными представителями, нежели партийными функционерами, нередко отстаивая в своей деятельности интересы избирателей [Manion, 2014]. Отдельное место в этом контексте отводится независимым кандидатам, возникновение которых – тоже новое явление в китайской политике локального уровня. Как показано в ряде исследований [Junzhi, 2010; Sun, 2013], самовыдвиженцы часто формируют сильные фракции в местных собраниях народных представителей, становясь таким образом альтернативой оппозиционным партиям.

Исследования, касающиеся местного уровня российского политического процесса, в большинстве случаев посвящены изучению эффектов реформы местного самоуправления 2003 г. [Campbell, 2006; Young, Wilson, 2007; Ross, 2007; Реформа местной власти... 2008] и череды последовавших за ней преобразований [Moses, 2010, 2015]. В частности, исследователей интересовали факторы, обуславливавшие сохранение выборности мэров российских городов в пореформенный период [Gel'man, Lankina, 2008; Local Elections... 2016; Golosov, Gushchina, Kononenko, 2016]. Помимо этого, сравнивались персональные характеристики назначаемых и избираемых глав городских администраций [Elections, Appointments, and Human Capital, 2014], изучались особенности распределения власти в структуре управления малых городов [Ледяев, Чирикова, 2013; Чирикова, Ледяев, Сельцер, 2014; Чирикова, Ледяев, 2015], анализировались случаи отдельных отставок глав региональных столиц [Turchenko, 2017]. Отмечалось, что в результате законодательных изменений 2000-х – первой половины 2010-х годов местное самоуправление в России было встроено в «вертикаль власти» [Туровский, 2015] – вслед за федеральными и региональными политическими институтами [Gel'man, 2015].

Про электоральные процессы локального уровня известно немного. А.В. Гилев, А.В. Семенов и И.К. Шевцова [Гилев, Семенов, Шевцова, 2017], например, показали, что результат списка «Единой России» на думских выборах 2016 г. в муниципалитетах Удмуртии, Пермского края и Челябинской области напрямую зависел от того, возглавлял ли муниципалитет выходец из исполнительной вертикали. Этот вывод позволил говорить о существовании локальных «политических машин», завязанных на представителей власти. Богатый фактический материал, касающийся хода, особенностей и результатов избирательных кампаний, в том числе на местном уровне, обобщен в работах А.В. Кынева, А.Е. Любарева и А.Н. Максимова [Кынев, Любарев, Максимов, 2014, 2015а, 2015б, 2017]. Ряд исследований посвящен регистрации кандидатов в депутаты на муниципальном уровне. Обнаружено, в частности, что в 2011 г. на выборах представительных органов Владимира и Перми избирательные комиссии руководствовались двойными стандартами: «по умолчанию» регистрируя кандидатов, связанных с действующей властью, они препятствовали регистрации «нежелательных» кандидатур [Bækken, 2015].

Кандидатам-самовыдвиженцам внимание уделялось лишь при изучении выборов федерального и регионального уровней. Г.В. Голосов, например, показал, что «сфабрированное большинство» «Единой России» по итогам думских выборов 2003 г. было обеспечено, среди прочего, кооптацией независимых кандидатов-одномандатников [Голосов, 2005]. Дж. Ройтер и Д. Сзакони проанализировали, почему кандидаты, ранее аффилированные с «Единой Россией», шли на региональные выборы как самовыдвиженцы. В качестве причин отказа кандидатов от связи с «партией власти» они указали на сокращение возможностей для переизбрания, продвижения политической карьеры внутри партии и размывание прежних «правил игры» внутри партийной политики [Reuter, Szakonyi, 2017].

Включенность кандидатов-самовыдвиженцев в функционирование «вертикали власти» на местном уровне остается пока недостаточно изученной.

Теоретические основания и гипотезы

В течение первого президентского срока В. Путин предпринял серию шагов для децентрализации политического процесса в стране и построения «вертикали власти» – иерархического властного порядка, при котором первенство на всех уровнях управления принадлежит исполнительной власти, а конечной инстанцией является федеральная исполнительная власть, де-факто возглавляемая президентом [Gel'man, 2015].

Реформа Совета Федерации в 2000 г. и получение «Единой Россией» большинства по итогам думских выборов 2003 г. привели к установлению контроля федеральной исполнительной власти над ключевыми институтами национальной политики. Создание федеральных округов, обретение президентом права увольнять глав регионов и распускать региональные законодательные собрания, наконец, отмена прямых губернаторских выборов позволили Центру взять под контроль региональный политический процесс.

Для «скрепления» выстроенной «вертикали власти» была использована партия «Единая Россия» [Konitzer, Wegren, 2006], ставшая необходимым элементом в том числе субнационального политического процесса после реформы региональных избирательных систем в 2003 г. [Golosov, 2006].

В результате реформы местного самоуправления 2003 г. и последующих изменений муниципальная система России также была встроена в структуру «вертикали власти» [Реформа местной власти... 2008]. Следствием этого стала повсеместная отмена прямых выборов глав местных администраций, особенно в крупных городах [Gel'man, 2015, p. 93; Golosov, Gushchina, Kononenko, 2016; Local elections... 2016]. Возникает вопрос, абсорбирует ли «вертикаль власти» не только партийную политику на муниципальном уровне (через структуры «Единой России»), но и формально независимых кандидатов в депутаты представительных органов? Можно ли говорить, что даже самовыдвиженцы на муниципальных выборах для того, чтобы быть избранными, должны согласовывать свои действия с основным институтом «вертикали власти» – партией «Единая Россия»?

Отталкиваясь от того, что в современных российских условиях политический процесс контролируется сверху даже на муниципальном уровне [Туровский, 2015], мы в качестве первой гипотезы исследования (H1) предполагаем, что вероятность электорального успеха самовыдвиженцев на выборах в представительные органы столиц российских регионов зависит от их предвыборных соглашений со структурами «Единой России».

С другой стороны, выборы местного уровня привлекают меньший интерес Центра, чем федеральные / региональные избирательные кампании, и электоральный успех кандидатов-самовыдвиженцев на локальном уровне может зависеть также от их персональных характеристик (H2), а именно от обладания ими статуса инкумбента, высокого уровня образования, наличия административного, социального или экономического капитала. В логике этого рассуждения мы полагаем также, что кандидаты с судимостью пользуются меньшей поддержкой избирателей.

Выдвинутые гипотезы проверялись на основе данных, охватывающих последние по времени проведения выборы депутатов представительных органов региональных административных центров. Все анализируемые выборы прошли в 2014–2018 гг., то есть после отмены в ноябре 2013 г. нормы об обязательном применении пропорциональной системы на выборах представительных органов муниципальных районов и городских округов с численностью более

20 депутатов¹. В качестве метода анализа данных использовался регрессионный анализ. Следующая часть статьи посвящена подробному описанию эмпирической базы, на которой построено исследование, операционализации переменных, а также проведению количественного анализа и интерпретации его результатов.

Эмпирическая часть

В период с сентября 2014 г. по сентябрь 2018 г. прошли выборы в представительные органы столиц всех субъектов РФ². На основе данных с сайтов региональных избиркомов была собрана информация о каждом кандидате, выдвинутом на этих выборах в качестве независимого кандидата. Она включала как персональные характеристики (пол, возраст, образование, место работы, место жительства, наличие судимостей, замещение выборных должностей), так и данные о кампаниях в избирательных округах, где выдвигались самовыдвиженцы (количество кандидатов, партийная принадлежность и статус других участников выборов).

Анализ охватывает 72 региональных административных центра. Помимо городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, являющихся одновременно административными центрами Московской и Ленинградской областей, в анализ не были включены Нальчик, Черкесск, Магас и Грозный, где выборы проводились полностью по пропорциональной системе, а также Махачкала, Самара и Челябинск, где представительные органы формировались не напрямую, а посредством делегирования депутатов, избранных в советы внутригородских районов.

Так как мы рассматриваем избирательную кампанию как процесс, включающий в себя все этапы проведения выборов: от выдвижения до избрания³, – можно сказать, что общее число само-

¹ Федеральный закон от 2 ноября 2013 года № 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Из анализа исключены Крым и Севастополь.

³ Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Статья 2, определение 19: «Избирательная кампания – деятельность по подготовке и проведению выборов, осуществляемая в период со дня официального опубликования (публикации) решения уполномоченного на то должностного

выдвиженцев, представленных в итоговой базе данных, составило 2268 человек (без учета утративших статус выдвинутого кандидата). Из них 1262 кандидата были зарегистрированы, 978 было отказано в регистрации (рисунки 1.1 и 1.2). Информация о регистрации 28 человек отсутствовала. Фамилии 1131 зарегистрированного кандидата (131 человек выбыл после регистрации) были включены в избирательные бюллетени. 92 самовыдвиженца избраны депутатами.

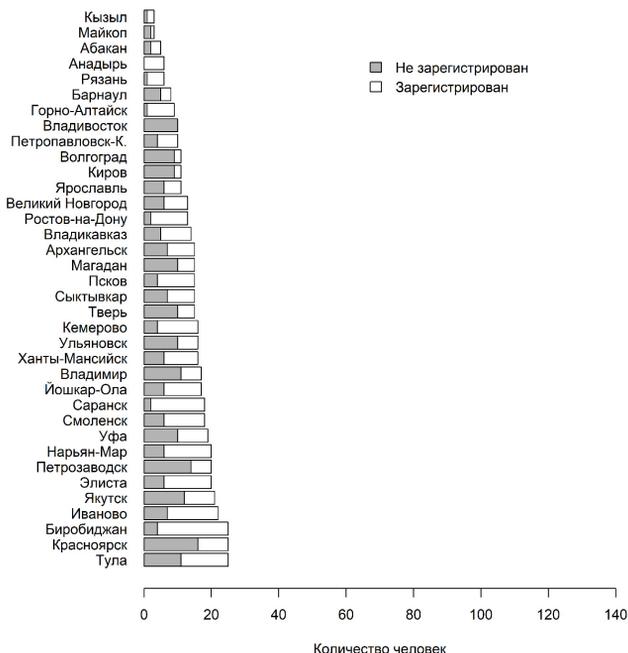

Рис. 1.1

Соотношение незарегистрированных и зарегистрированных кандидатов в общем количестве самовыдвиженцев (первые 36 административных центров по количеству выдвинутых самовыдвиженцев)

Источник: расчеты авторов.

лица, государственного органа, органа местного самоуправления о назначении выборов до дня представления избирательной комиссией, организующей выборы, отчета о расходовании средств соответствующего бюджета, выделенных на подготовку и проведение выборов».

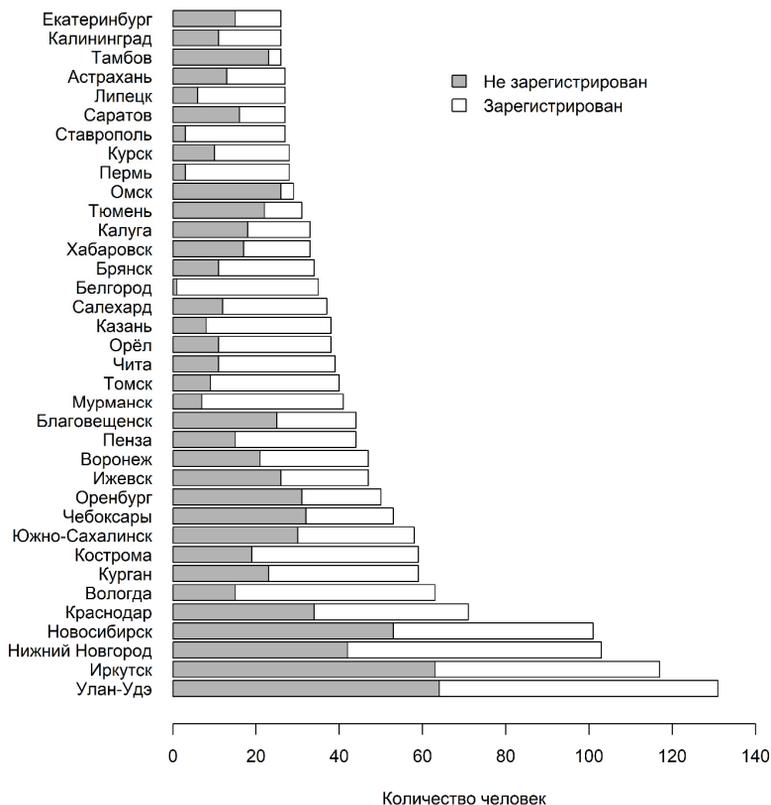

Рис. 1.2

Соотношение незарегистрированных и зарегистрированных кандидатов в общем количестве самовыдвиженцев (вторые 36 административных центров по количеству выдвинутых самовыдвиженцев)

Источник: расчеты авторов.

Следуя основной задаче проводимого исследования – проанализировать факторы *электорального успеха* независимых кандидатов – из представленной общей базы мы выбрали в качестве единицы анализа только кандидатов-самовыдвиженцев, успешно прошедших этап регистрации и допущенных непосредственно к участию в выборах. Для определения факторов электорального

успеха самовыдвиженцев использовались два вида регрессионного анализа, соответствовавшие двум возможным способам операционализации зависимой переменной «электоральный успех»: логистическая (зависимая переменная «избрание») и МНК-регрессия (зависимая переменная «результат»). Зависимая переменная «избрание» принимала значение «1», если кандидат был избран, и «0» – если нет. Зависимая переменная «результат» принимала значение доли голосов (%), поданных за самовыдвиженца в избирательном округе.

На наш взгляд, о наличии предвыборных соглашений между самовыдвиженцами и «Единой Россией» (первая гипотеза – H1) говорит отсутствие представителя «партии власти» среди кандидатов, зарегистрированных в округе, где баллотировался самовыдвиженец. Если кандидата от «Единой России» не было среди кандидатов, допущенных до участия в голосовании по данному округу, это кодировалось для всех самовыдвиженцев в данном округе единицей; в противном случае – нулем.

В рамках второй гипотезы (H2) мы предположили, что статус инкубента, высокий уровень образования, обладание административным, социальным или экономическим капиталом повышало электоральный результат самовыдвиженцев, а наличие судимости, напротив, его сокращало.

Относящиеся к этой гипотезе независимые переменные, касающиеся статуса инкубента и наличия судимости, были операционализированы как бинарные: они обозначались единицей, если самовыдвиженец был действующим депутатом представительного органа административного центра или имел судимость, и нулем в противоположных случаях.

Для операционализации уровня образования использовалась порядковая переменная из четырех категорий. Первой категории соответствовало «основное общее образование». К ней также были отнесены случаи, когда уровень образования кандидатов обозначался как «начальный общий» или «без образования». Во вторую категорию были включены кандидаты со средним общим образованием; в третью – со средним профессиональным и неполным высшим; в четвертую – с высшим. На рисунке 2 представлено распределение кандидатов по уровням образования.

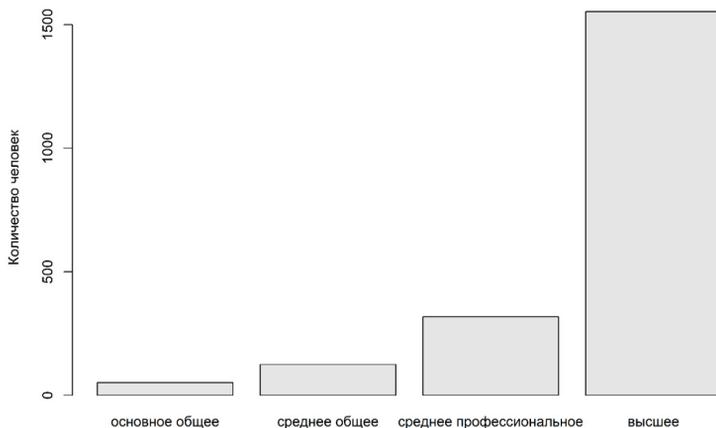

Рис. 2.

Образование кандидатов-самовыдвиженцев

Источник: расчеты авторов.

Наконец, для операционализации обладания кандидатами-самовыдвиженцами административным, социальным или экономическим капиталом использовалась категориальная переменная, отражавшая тип занятости. Данная переменная составлена из пяти категорий. В основу способа операционализации переменной легла категоризация профессиональной деятельности депутатов региональных ассамблей, предложенная Г.В. Голосовым [Голосов, 2006, с. 146–154].

К первой категории («без работы») были отнесены кандидаты, не занимавшиеся трудовой деятельностью, – пенсионеры, студенты / учащиеся, безработные. Во вторую категорию («рабочие и служащие») вошли наемные работники на предприятиях и в организациях различных форм собственности (от «синих воротничков» до профессионалов). Предполагалось, что этим двум категориям не был присущ ни один из видов капитала.

В третью категорию («политики») были включены представители руководящих должностей в федеральных и региональных органах власти, а также местного самоуправления. К этой же категории отнесены депутаты, осуществлявшие полномочия на посто-

янной основе¹, помощники (советники) депутатов и официальных лиц, партийные функционеры. Этим профессиям могло быть при-
суще обладание административным капиталом.

В четвертую категорию («социальные лидеры») вошли руко-
водители НКО, главврачи больниц и поликлиник, заведующие
детскими садами, директора школ, ректоры вузов. К этой же кате-
гории отнесены их заместители, заведующие отделениями в боль-
ницах / поликлиниках, деканы кафедр и т.д. Данной категории
приписывалось обладание социальным капиталом.

К категории «бизнесмены», представители которой обладали
экономическим капиталом, отнесены руководители предприятий
различных форм собственности (включая их заместителей и со-
ветников), члены советов директоров, руководители офисов, отде-
лений и филиалов, а также индивидуальные предприниматели.
Распределение самовыдвиженцев по типам профессий отражено
на рисунке 3.

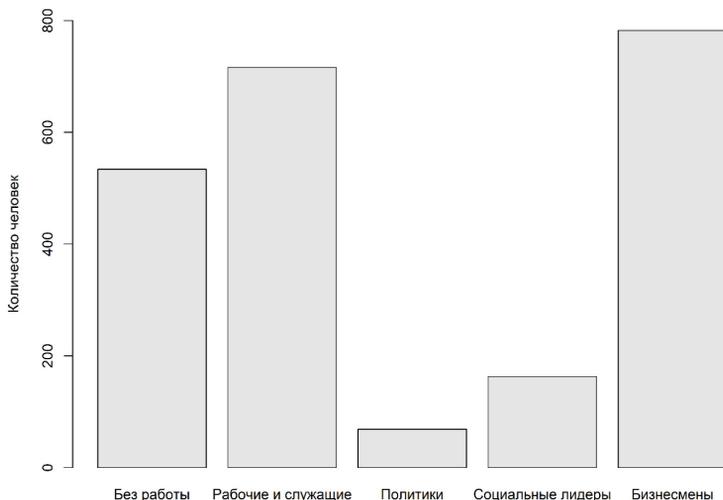

Рис. 3.

Профессии кандидатов-самовыдвиженцев

Источник: расчеты авторов.

¹ Депутаты, осуществлявшие полномочия на непостоянной основе, относились к категориям, согласно их основному месту работы или службы.

Переменные, касающиеся операционализации уровня образования и типа капитала, были введены в статистический анализ в виде факторных переменных. В качестве базовых взяты первые категории этих переменных, а именно «основное общее образование» и «без работы».

В количественный анализ был введен ряд контрольных переменных: 1) возраст кандидата (количество полных лет на момент голосования); 2) число кандидатов, допущенных к участию в голосовании по данному избирательному округу; 3) пол; 4) бинарная переменная, показывающая, был ли среди кандидатов инкумбент (в случае если это был сам самовыдвиженец, для него значение переменной кодировалось нулем); 5) место жительства; 6) бинарная переменная, указывавшая, был ли самовыдвиженец спойлером (переменная принимала значение единицы, если его фамилия совпадала с фамилией любого другого кандидата, кроме кандидата от «Единой России» (спойлерство против оппонентов); переменная также кодировалась единицей, если место работы самовыдвиженца было тем же, что и у кандидата от «Единой России» (спойлерство для обеспечения альтернативности выборов)).

Результаты анализа приведены в таблице. Количество наблюдений, на которых построены регрессионные модели (1041 человек), меньше количества самовыдвиженцев, включенных в избирательные бюллетени (1131), так как на сайтах региональных избиркомов отсутствует информация по ряду независимых и контрольных переменных для отдельных кандидатов.

Регрессионный анализ показал состоятельность первой гипотезы (H1), согласно которой электоральный успех самовыдвиженцев напрямую зависел от того, заключили ли они предвыборные соглашения с «Единой Россией». В тех округах, где самовыдвиженцы не конкурировали с представителями «партии власти», вероятность их победы (равно как и доля полученных ими голосов) была выше, чем в округах, где им противостояли единороссы.

Частично подтверждена и вторая гипотеза (H2), согласно которой электоральный результат самовыдвиженцев зависел от их персональных характеристик. В частности, статус инкумбента значимо повышал шансы самовыдвиженца на переизбрание и долю голосов избирателей.

Таблица

**Факторы электорального успеха самовыдвиженцев
на выборах в представительные органы столиц субъектов РФ**

	<i>Зависимая переменная</i>	
	Избрание	Результат
	<i>(1/0 – избр. / не избр.)</i>	<i>(доля в %)</i>
	Модель 1	Модель 2
Кандидата от «Единой России» не было среди тех, кто участвовал в голосовании (1/0 = да/нет)	2,311 ^{***} (0,378)	0,146 ^{***} (0,017)
Самовыдвиженец является инкубентом (1/0 = да / нет)	2,328 ^{***} (0,330)	0,163 ^{***} (0,014)
Наличие судимости (1/0 = да / нет)	0,897 [*] (0,460)	0,037 (0,018)
Образование (базовая категория – основное общее)		
<i>Среднее общее</i>	14,504 ^{***} (1,186)	0,021 (0,028)
<i>Среднее профессиональное</i>	14,235 ^{***} (0,729)	0,019 (0,026)
<i>Высшее</i>	14,608 ^{***} (0,584)	0,042 ^{**} (0,025)
Тип профессии (базовая категория – без работы)		
<i>Рабочие и служащие</i>	1,950 ^{**} (0,768)	0,032 ^{***} (0,009)
<i>Политики</i>	2,414 ^{***} (0,887)	0,104 ^{***} (0,017)
<i>Социальные лидеры</i>	2,220 ^{***} (0,854)	0,084 ^{***} (0,014)
<i>Бизнесмены</i>	2,343 ^{***} (0,752)	0,062 ^{***} (0,010)
Возраст	0,022 [*] (0,012)	0,001 ^{***} (0,0003)
Количество кандидатов, допущенных до участия в голосовании	-0,140 [*] (0,076)	-0,012 ^{***} (0,002)
Пол (1/0 = женский / мужской)	0,147 (0,314)	0,003 (0,008)
Среди кандидатов, допущенных до участия в голосовании, был инкубент (1/0 = да / нет)	-0,447 [*] (0,271)	-0,021 ^{***} (0,007)
Административный центр является местом жительства самовыдвиженца (1/0 = да / нет)	0,574 (0,519)	0,028 ^{***} (0,009)
Самовыдвиженец является спойлером (1/0 = да / нет)	-0,655 (0,627)	-0,014 (0,015)
Константа	-19,945 ^{***} (1,099)	0,045 (0,030)
Количество наблюдений	1041	1041
R ²	–	0,351
AIC	468,657	–

Примечание: в ячейках представлены регрессионные коэффициенты и робастные стандартные ошибки (в скобках); *p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01.

Кандидаты с уровнем образования выше основного общего имели больше шансов на победу, чем те, кто закончил в лучшем случае девять классов средней школы. Однако модель с зависимой переменной «результат» показала, что только самовыдвиженцы с высшим образованием получали больше голосов, чем кандидаты с основным общим.

Также и самовыдвиженцы с административным, социальным или экономическим капиталом имели более высокие шансы на победу и получали больше голосов избирателей, чем самовыдвиженцы, не имевшие работы. Последние уступали в этом плане даже рабочим и служащим (результаты не приведены), несмотря на то что с этой категорией не был связан ни один из видов капитала. Любопытно, что в обеих моделях при замене базовой категории не было обнаружено значимых преимуществ одного вида капитала над другим ни для зависимой переменной «избрание», ни для зависимой переменной «результат» (результаты не приведены). Интересно также, что в модели с зависимой переменной «результат» (модель 2) самовыдвиженцы с административным, социальным или экономическим капиталом имели больше шансов на избрание и более высокую долю голосов, чем рабочие и служащие, чего, однако, не наблюдалось в модели с зависимой переменной «избрание» (результаты не приведены).

В противоположность теоретическому ожиданию наличие у самовыдвиженца судимости не только не снижало его электоральный результат, но ровно наоборот – увеличивало его шансы на победу (хотя и не на процентную долю голосов избирателей, что следует из модели 2).

Обнаружена также статистическая значимость ряда контрольных переменных. Вероятность избрания самовыдвиженца (как и доля голосов) снижалась с увеличением числа кандидатов в бюллетене, а также при наличии среди его конкурентов инкумбента. Выяснилось также, что вероятность победы самовыдвиженца (и его результат) повышалась в прямой зависимости от возраста. Обнаружилась и прямая связь между фактом проживания самовыдвиженца в данном административном центре и долей полученных им голосов (модель 2).

Заключение

Целью проведенного анализа было определить, какие факторы способствовали электоральному успеху кандидатов-самовыдвиженцев на выборах в представительные органы административных центров субъектов РФ, прошедших в 2014–2018 гг.

Было установлено, что вероятность успеха самовыдвиженцев зависела от наличия у них предвыборных соглашений с партией «Единая Россия». Это говорит о том, что в условиях современной российской политики «вертикаль власти» простирается за пределы партийно-политического пространства и затрагивает также формально независимых кандидатов.

В то же время была обнаружена связь между электоральным успехом самовыдвиженцев и рядом их персональных характеристик: инкубентским статусом, уровнем образования, а также наличием в их распоряжении административного, социального или экономического капитала. Это свидетельствует о том, что даже в условиях ограниченной конкуренции кандидаты с привлекательными для избирателей статусными характеристиками имеют больше шансов на электоральный успех.

Список литературы

- Гилев А.В., Семенов А.В., Шевцова И.К. «Политические машины» и их «водители»: Электоральное администрирование на местном уровне // *Полития*. – М., 2017. – № 3 (86). – С. 62–80.
- Голосов Г.В. Сфабрикованное большинство: Конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // *Полис. Политические исследования*. – М., 2005. – № 1. – С. 108–119.
- Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика 1993–2003. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. – 300 с.
- Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: Тенденции, проблемы и технологии. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2014. – 312 с.
- Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015 а. – 372 с.
- Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. На подступах к федеральным выборам – 2016: Региональные и местные выборы в России 13 сентября 2015 года. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015 б. – 564 с.

- Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н.* Как выбирала Россия – 2016. Результаты мониторинга избирательного процесса. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2017. – 1142 с.
- Ледяев В.Г., Чирикова А.Е.* Губернатор и его команда в пространстве городской политики малых российских городов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – Пермь, 2013. – № 3. – С. 4–25.
- Реформа местной власти в городах России / Гельман В.Я., Рыженков С.И., Белокурова Е.В., Борисова Н.В. – СПб.: Норма, 2008. – 368 с.
- Туровский Р.Ф.* Российское местное самоуправление: Агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. – М., 2015. – № 2. – С. 35–51.
- Чирикова А.Е., Ледяев В.Г.* Власть в малых российских городах: Модели взаимодействия исполнительной и представительной власти // Мир России. – М., 2015. – № 3. – С. 6–32.
- Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г.* Власть в малом российском городе: Конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. Политические исследования. – М., 2014. – № 2. – С. 88–105.
- Bekken H.* Selections before elections: Double standards in implementing election registration procedures in Russia? // Communist and post-communist studies. – Oxford: Oxford univ. press, 2015. – Vol. 48, N 1. – P. 61–70.
- Campbell A.* State versus society? Local government and the reconstruction of the Russian state // Local government studies. – L., 2006. – Vol. 32, N 5. – P. 659–676.
- Elections, appointments, and human capital: The case of Russian mayors / Buckley N., Garifullina G., Reuter O.J., Shubenkova A. // Demokratizatsiya. – L., 2014. – Vol. 22, N 1. – P. 87–107.
- Gel'man V.* Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet regime change. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. – 208 p.
- Gel'man V., Lankina T.* Authoritarian versus democratic diffusions: Explaining institutional choices in Russia's local government // Post-Soviet affairs. – Wash., DC, 2008. – Vol. 24, N 1. – P. 40–62.
- Golosov G.V.* Disproportionality by proportional design: Seats and votes in Russia's regional legislative elections // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2006. – Vol. 58, N 1. – P. 25–55.
- Golosov G.V.* The regional roots of electoral authoritarianism in Russia // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2011. – Vol. 63, N 4. – P. 623–639.
- Golosov G.V., Gushchina K., Kononenko P.* Russia's local government in the process of authoritarian regime transformation: Incentives for the survival of local democracy // Local government studies. – L., 2016. – Vol. 42, N 4. – P. 507–526.
- Junzhi H.* Independent candidates in China's local people's congresses: A typology // Journal of contemporary China. – L.: Routledge, 2010. – Vol. 19, N 64. – P. 311–333.
- Konitzer A., Wegren S.K.* Federalism and political recentralization in the Russian Federation: United Russia as the party of power // Publius: The journal of federalism. – Easton, PA, 2006. – Vol. 36, N 4. – P. 503–522.
- Local elections in authoritarian regimes: An elite-based theory with evidence from Russian mayoral elections / Reuter O.J., Buckley N., Shubenkova A., Garifullina G. //

- Comparative political studies. – Thousand Oaks, Calif., 2016. – Vol. 49, N 5. – P. 662–697.
- Manion M.* Authoritarian parochialism: Local congressional representation in China // *The China quarterly*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2014. – Vol. 218. – P. 311–338.
- Moses J.C.* Russian local politics in the Putin-Medvedev era // *Europe-Asia studies*. – Glasgow, 2010. – Vol. 62, N 9. – P. 1427–1452.
- Moses J.C.* Putin and Russian sub-national politics in 2014 // *Demokratizatsiya*. – Wash., DC, 2015. – Vol. 23, N 2. – P. 181–203.
- Reisinger W.M., Moraski B.J.* The regional roots of Russia's political regime. – Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 2017. – 280 p.
- Reuter O.J.* The origins of dominant parties: Building authoritarian institutions in Post-Soviet Russia. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2017. – 316 p.
- Reuter O.J., Robertson G.B.* Subnational appointments in authoritarian regimes: Evidence from Russian gubernatorial appointments // *Journal of politics*. – Chicago, 2012. – Vol. 74, N 4. – P. 1023–1037.
- Reuter O.J., Szakonyi D.* Elite defection under autocracy: Evidence from Russia. – 2017. – Mode of access: <https://ssrn.com/abstract=3046900> (Дата посещения: 05.10.2018.)
- Ross C.* Municipal reform in the Russian Federation and Putin's «electoral vertical» // *Demokratizatsiya*. – Wash., DC, 2007. – Vol. 15, N 2. – P. 191–208.
- Schedler A.* The politics of uncertainty: Sustaining and subverting electoral authoritarianism. – Oxford: Oxford univ. press, 2013. – 493 p.
- Sun Y.* Independent candidates in mainland China: Origin, development, and implications for China's democratization // *Asian survey*. – Oakland, CA, 2013. – Vol. 53, N 2. – P. 245–268.
- Turchenko M.* The rise and fall of local self-government in Petrozavodsk // *Demokratizatsiya*. – Wash., DC, 2017. – Vol. 25, N 2. – P. 155–174.
- Young J.F., Wilson G.N.* The view from below: Local government and Putin's reforms // *Europe-Asia studies*. – Glasgow, 2007. – Vol. 59, N 7. – P. 1071–1088.